

Любовь Гуревич. Прелесть бытия /Владимир Яшке. СПб., 2008.
(Авангард на Неве)

Однажды Володя Яшке сказал: «Когда художник из провинции приезжает в Москву, он продолжает работать, как работал. Когда в Питер, то начитает писать так, как пишут тут». Не знаю, верно ли это, так сказать, социологически. Да и сам он, при попытке напомнить ему эту мысль, от нее отказался, заявив, что всегда делал то, что сейчас делает, что он питерец — это он только родился во Владивостоке, зачат был здесь. (Владивосток пригодится, когда он станет писать стихи «почти по-японски»). Есть люди столь неподатливые, что и от собственной мысли откажутся, если попробуешь ее предъявить. Яшке мягок и неподатлив одновременно. Попытки выяснить, что он делал в Ленинграде до того, как стал всем нам известен, тоже не привели ни к чему. Говорит: «лежал в реанимации». А чем жил? «Родственники кашку приносили». Ранний период чуть проступает из мрака неизвестности. Можно предположить, в Московском полиграфическом институте, где он долго учился, ему что-то задавали, и он выполнял эти задания в свое удовольствие, но не вовремя и не так, как требовали. То же с работой в издательствах. С этим опытом можно связать его печатную графику 1970-х — начала 1980-х — иногда в русле лучших образцов советской книжной графики. И ранняя графика, и живопись весьма разнообразны, в них виден интерес к тайнам ремесла, способность к освоению разных манер. В целом живопись тех лет — то мягко-размытая, мягко-туманная, стертая, то пастозная, с чешуйчатыми мазками — скорее традиционна, робка, статична, скованна. В общем — скорее академична, но иногда вдруг романтична, таинственна, создана в духе какого-то неведомого примитива. Зрелая — густая, терпкая, сияющая, льющаяся, одновременно тяжелая и мягкая — более экспрессивна, свободна и индивидуальна. Юность прошла в Крыму, он писал каменистые крымские пейзажи, но только в Ленинграде его Крым наполнился горячим солнцем. Предлагаю фразу будущим составителям популярной биографии: «Он нес в себе крымское солнце, но посмел выплеснуть его на холст только здесь». Хотя в Ленинграде солнца на холстах скорее боятся. Оно тут на небе так редко и потому чуждо. Помните: «Спишь в дурмане и видишь во сне Даль морскую и берег счастливый, И мечту, недоступную мне. Видишь день, беззакатный и жгучий, И любимый родимый свой край. Синий, синий, певучий, певучий. Неподвижно-блаженный, как рай». У Блока это только чужой сон, сон испанской цыганки. К слову, испанцы и цыгане, испанский танец, цыганские кибитки любимые романтические мотивы Яшке, его, говоря языком позапрошлого века, грезы. Его работы разнообразны во многих отношениях, их можно классифицировать по разным принципам, в том числе и по происхождению образа: с натуры, скажем, реальная подруга (спит с выпроставшейся из-под взлохмаченного одеяла ножкой) и созданное воображением: таинственные прекрасные дамы. Что до придуманных прекрасных дам, то — возвращаясь к теме ленинградской живописи — таковых (в противовес соцреализму и социалистической действительности) не стеснялись изображать многие, в частности, друзья Яшке Владимир Гоосс и Геннадий Устюгов. Всех троих объединяет живое восхищение женственностью — знайте, дамы, такое еще бывает. Создания Гоосса аристократичны, изысканны, inferнальны, у Устюгова это истонченные сомнамбулы, сплошной эротизированный дух. А у Яшке это прежде всего соблазнительная плоть. Атлас плеч, высокая грудь, стройный стан, фарфор щек и подбородка, лава волос, скрывающая глаз и ненужный лоб. Шляпы, банты, кружева. Они прекрасно покойны, удовлетворены, словно находятся на содержании у любимого человека или в бессрочном отпуске — иногда прямо изображены облитыми крымским солнцем. Но это пришло не сразу, в 1969 г. истонченный женский силуэт среди сплошного камня замер в мечтательной прострации. Но чтобы воспеть

женственность, прекрасных дам оказывается недостаточно, и появляется Зинаида Морковкина — ну, не совсем дама, но иногда плавно в нее переходящая. Это в питерской андеграундной традиции работать с собственным персонажем — у Яшке не сконструированным, но как бы подобранным на улице: далекий от гламурных стандартов объект мужского вожделения — низкорослая, пухлая, рыжие волосы, бант, челка до глаз, вздернутый нос — ни на подиум, ни на конкурс красоты не возьмут, но — цветущая, эротичная, так и брызжет гормонами. Честно говоря, дура и плохо кончит, но чувствуешь, как «обаятельна для тех, кто понимает». Вот перед зеркалом, вот развалилась на дворцовом диване (как будто сочиненным Ией Кирилловой), вот познакомилась с бывальыми моряками, загуляла с ними, вот «без трусов». Есть работы в прямом смысле гривуазные. Можно бы при желании классифицировать как порно, если бы не прекрасная живопись, если не полное отсутствие присущих этому жанру жесткости, холодности. Тем более, агрессии. Пишут, современная эротика близка к фильмам ужаса — но Яшке не озабочен тем, чтобы быть современным. Эротическая живопись тут не способ изживания навязчивого, а средство пережить счастье. Именно счастье (а не наслаждение, в отличие от французов восемнадцатого века, которые первыми приходят на ум) приносит Купидон его персонажам. Эротика Яшке прежде всего необычайно — не устыжусь, не усташусь написать — добра, а это редкость, и следовательно, ценность. Так же как радость. Я недавно прочла, что радость жестока, и подумала, что так и есть, но верила этому недолго, потому что стала смотреть работы Яшке. Так же как красный цвет может быть холодным и теплым, радость может быть жестокой и доброй. Последнее — редко.

Радость! Такой радости, как у Яшке, сейчас нет больше ни у кого. Ее поглощаешь жадно, как недостающий в организме витамин. Встречаются художники, принципиально отстраненные от ужаса жизни, не допускающие темных красок, но долго смотреть на них — как есть в больших количествах сладкое. Живопись Яшке радостна не потому, что в ней нет тьмы, а потому что само сверкание белого возникает благодаря соседству черного. Ужас жизни не отстранен, никогда не отступает полностью и иногда прямо обнаруживает себя. Среди картин с легкомысленным названием «Зинаида без трусов» есть такая, где распостертого тела вчерашней бабочки уже коснулось разложение, ее уже поглощает смерть. Страшен загнанный взгляд на автопортрете 1989 г., когда внешне художник был на взлете успеха. Нам ценна радость не тех, кто бережет себя, кто знать не хочет о реальности, — их радость не утешит, да и не получается у них радость настоящая. Нам брат тот, кто способен радоваться «и в дуновении чумы». Ибо что такое искусство как не пир во время чумы. Сам Яшке написал:

Радость осталась
могу поделиться: пока что не мочат
тихо картины пишу

Способность выражать радость у Яшке тесно связана с самим существом такого качества, как живописность. В одном из определений, может быть главным, живописность — это то, что «заставляет сверкать самые грязные вещи, нищету делает роскошной». Качество живописности у Яшке выражено предельно. Оставаясь в рамках живописного стиля, он работает, как уже было отмечено, разными способами, но можно выделить корпус работ, так сказать «фирменных». Манеру, в которой он в наибольшей степени выразил то, чем он для меня является. Там свобода, ощущение равной ценности всех проявлений жизни, ценности пустяков. Там роскошь узоров на грязных обоях, солнечных пятен, птичьих перьев. Там пульсирует свет и вибрирует мазок. Там синее небо и море сверкают между темными переплетающимися стволами деревьев. Там беспорядок и теснота, все переполнено — как ему удается радость без слащавости, так и преизбыток, который не ощущается как перегруженность, излишество,

болтливость. Бурно разросшийся куст (если взглядишься, может быть, обнаружишь кошачью морду или Сусанну и старцев), запущенный участок сада, угол черт знает чем загроможденный крымского двора, захлапленные комнаты. Это тот беспорядок, в котором хозяин прекрасно знает, где что лежит. Беспорядок как свобода. Беспорядок как уют. Беспорядок как роскошь.

«Роскошь, покой, сладострастье, — скажет кто-нибудь. — Так что же, мы Матисса не знаем?» Да, но Матисс плоскостен, Яшке — обычно объемен. Матисс предлагает головокружительно прекрасный, но полностью условный, полностью искусством созданный мир, Яшке — мир реальный. Вот голая подружка покойно устроилась на кровати среди комнаты, в которой кровать является единственным не загроможденным пространством. Арагон пишет о жилище Матисса: «Пройдемся по этим комнатам в Симиазе, где полно вещей, тканей, мраморных столешниц, цветных драпировок». По логову Яшке пройти невозможно, оно всего-то метров шесть, а чем оно полно, можете себе представить.

У Яшке роскошна даже движущаяся толпа крупным планом, обычно это предмет сатиры, у него она похожа на букет цветов.

Хотела сделать эпиграфом строчку: «Он прелесть бытия таинственно постиг», но почувствовала — не соответствует не смысл, а тон, слишком для него торжественно, слишком классично. Больше подойдет другая, пусть изрядно потасканная фраза той же Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора...».

Вышеописанная манера Яшке появилась после того, как он, извините, «стал митьком». В это сообщество вошел сравнительно поздно — он не принадлежал к компании, учредившей группу, и он старше их — взяли именно за особые достижения в области живописи. Боюсь, Яшке будет против, (никто не любит быть обязанным современникам, тем более младшим), но, конечно, дружественное окружение, «митьковская культура», не поглотив, с одной стороны расковала, с другой сконцентрировала (прежде бросался в разные стороны) его творчество. Принадлежность к общности в этом случае не нивелировала, но, напротив, способствовала выявлению индивидуальности. С этого времени его живопись приобрела характер бурного цветения. Не то чтобы прежде работы были хуже, но появилось эта свобода, экспрессия, иногда лихость, озорство, ирония. Все это символизирует подпись-бант, мелькнувшая в ранних работах, в 1988 закрепившаяся. Встречаются митьковские приемы (например, вводимый в картину полу-печатный, полу-письменный текст) и сюжеты (Зинаида в компании с Пушкиным). Хотя мало ли кому он раздавал приветствия в своих работах: хоть Дюфи, что и удостоверять прямым текстом прямо на картине. Если ты способен сделать портрет хоть в манере Клуэ, хоть Рембрандта, если ты мастер, виртуоз, то можно сколько угодно шутить и иронизировать в духе примитивизма. «Митек ли Яшке?» Яшке — художник, которому есть что сказать. И по поводу митьковской культуры тоже.

Всего разнообразия мотивов, ходов фонтанирующего творчества Яшке мне коснуться не удалось. Надеюсь, иллюстрации доскажут.